

А. В. Горбатов

Судебные процессы по делам о противодействии изъятию церковных ценностей в Западной Сибири (1922–1923)

**Горбатов Алексей
Владимирович**

д-р. ист. наук,
проф., Кемеровский
государственный
университет
(Кемерово,
Россия); вед. науч.
сотр., Алтайский
государственный
университет (Барнаул,
Россия)

Финансирование

Публикация
подготовлена
при поддержке
Российского научного
фонда (РНФ), проект
№ 19-18-00023
«Религия и власть:
исторический опыт
государственного
регулирования
деятельности
религиозных общин
в Западной Сибири
и сопредельных
районах Казахстана
в XIX–XX вв.»

Изъятие церковных ценностей, осуществлявшееся в 1922 г., было первой крупномасштабной попыткой массированного наступления на религию, вмешательства большевистского государства в дела Церкви. Начало общероссийской кампании по конфискации церковного имущества было запущено соответствующим Постановлением ВЦИК от 23 февраля 1922 г., что практически одновременно вызвало волну недовольства верующих во многих губерниях страны. Ответной и прогнозируемой реакцией большевистского руководства стала организация судебных процессов о противодействии изъятию «сокровищ» Церкви. Рассмотрение причин, в том числе формальных, инициирования властью судебных процессов над клириками и верующими, выявление особенностей их проведения и описание последствий для жизнедеятельности Российской православной церкви в Западной Сибири стали задачами настоящей статьи.

Исследование опирается на данные архивных фондов, периодической печати, базы данных РПЦ, а также на работы преимущественно сибирских исследователей. Указанной темы опосредованно касались отечественные ученые, занимавшиеся историей советской церковной политики¹. Изучение данного вопроса в целом рассматривается сибирскими исследователями в контексте кампании по изъятию ценностей² и репрессивной политики РКП(б)³. Отдельно следует отметить работы авторитетного специалиста по истории Томска Н. М. Дмитриенко, которая одна из первых исследовала ход и последствия громкого судебного процесса «томских церковников»⁴,

а также аккумулировала разрозненные данные об архиереях, возглавлявших Томскую православную епархию.

Попытки сопротивления в той или иной форме проходили во всех губерниях. Случалось, что сам механизм конфискации характеризовался отсутствием координации действий и грубыми ошибками, сопровождался бестактностью со стороны членов комиссий по изъятию, что естественным образом вызывало ответную реакцию недовольства у верующих. Практика экспроприации вызывала возмущение народа. Так, к примеру, в г. Барабинске (современная Новосибирская область) выступивший за изъятия коммунист был вытолкнут из церкви, с криками: «Бей коммунистов, не отдадим золото!»⁵ В ряде сел Щегловского уезда Томской губернии конфискация шла с трудом, и комиссия просила выделить военный отряд⁶. «Изъятию церковных ценностей верующие категорически отказывают. Все меры убеждения их — тщетны», — констатировали власти на местах⁷.

Фиксировались факты, когда некоторые представители духовенства поддерживали инициативу возмущенных прихожан — воздержаться от сдачи культовых ценностей, особенно тех «священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею как святотатство»⁸.

Но тем не менее (и это отмечали власти⁹ и фиксируют сибирские историки¹⁰) изъятие церковных святынь проходило в целом мирно, а эксцессы, если и фиксировались, то не сопровождалось со стороны верующих, за редким исключением, грубым насилием. «Сопротивления были, но настолько незначительные, что обращать на них внимание не приходится»¹¹. Так, исследователями не зафиксировано в Тюменской губернии ни одного крупного выступления против изъятия. Преобладало использование различных форм пассивного протеста: проведение собраний, составление резолюций, постановлений на сельских сходах. Имели место случаи, когда крестьяне били в набат, собирали толпу до 200 человек, выкрикивая: «Церковь мы вам ограбить не дадим!» Но стоило только властям вынести предупреждение об ответственности и возможности применить силовые методы, верующие, как правило, расходились по домам¹². Сопротивление изъятиям в большинстве случаев проявлялось в недопущении представителей комиссии в церковь, в выкриках протестующих, проклинавших богохульников-коммунистов. Как считало Сибирское бюро ЦК РКП в Новониколаевске, в губерниях злостно и упорно сопротивлялось только духовенство, которое опирается «преимущественно на городское мещанство»¹³. «Обывательщина и кулачье, — отмечал Новониколаевский губком, — конечно, к изъятию относятся отрицательно, но выступать активно боится»¹⁴.

При этом, согласно информационным сводкам Государственного политического управления (ГПУ), власти прекрасно понимали, что жители сибирских губерний, за исключением части бедноты и молодежи, грабежами церковей в целом были возмущены. Неслучайно комиссию во время изъятия зачастую сопровождал отряд красноармейцев. В ряде волостей среди зажиточного населения и части крестьян действия властей по изъятию рассматривались как откровенный грабеж и надругательство над святынями, среди них преобладало

представление, что истинная цель операции заключалась не в помощи голодающим, а в личном обогащении коммунистов или «уплате большевистских долгов Польше и Румынии и еще для каких-то других надобностей»¹⁵. Подобные настроения преобладали и у «среднего» крестьянства Тюменской губернии. Высказывались мнения, что коммунисты обманом забрали весь хлеб, скот, и едва ли попадут ценности по принадлежности; что ценности не дойдут до нужного адресата, а пойдут на роскошь коммунистам и их женам или будут израсходованы на содержание Красной армии, пойдут в уплату долгов иностранным государствам; что «ценности коммунисты увезут за границу, когда будут убегать из пределов России»¹⁶. В Омской губернии уполномоченных помгола (помощи голодающим) на собраниях верующих в селах встречали как нечистую силу, истово накладывая на них крестные знамена. В сводках ГПУ отмечалось враждебное отношение населения¹⁷ по всему Томскому уезду, также сообщалось о недовольстве народом кампанией изъятия¹⁸.

Действительно, в процессе кампании важную роль в осуществлении вероисповедной политики молодого атеистического государства играли спецслужбы, а в данном случае — ГПУ. Широкая сеть осведомителей предоставляла властям возможность фиксировать и учитывать умонастроения различных слоев населения (крестьян, красноармейцев, мещан, рабочих) относительно хода ведения кампании. В телеграммах И. С. Уншлихта, заместителя председателя ВЧК – ГПУ, чекистам на местах предписывалось организовывать митинги, «выставляя организаторами церковников», энергично расследовать факты хищения и при необходимости незамедлительно арестовывать реакционное духовенство и вообще вести кампанию в печати и агитацию среди населения, а самим работникам «для большей продуктивности» рекомендовалось входить в состав комиссий по изъятию¹⁹. Стоит констатировать, что на протяжении всего советского периода религиозные организации неизменно входили в сферу интересов ГПУ, и агентурная работа здесь имела немаловажное значение.

Один из самых резонансных актов сопротивления верующих в Западной Сибири произошел в селе Тутальском (с 1924 г. Юргинский район, современный Кузбасс). Когда началась опись имущества, к церкви сбежали негодующие крестьяне и во главе со священником Борисом Стацевичем оказали сопротивление комиссии по изъятию. Уполномоченный И. Г. Вежан экстренно оставил село, после чего вызвал военный отряд. Только под влиянием доводов командира отряда Иванова крестьяне вынуждены были согласиться на изъятие культовых предметов, а комиссия смогла провести конфискацию только через неделю²⁰.

Общеизвестно, что многие драматические события, происходящие вокруг Российской православной церкви в исследуемое время, так или иначе были связаны с фигурой патриарха Тихона — носителя высшей церковной власти, чистоты и крепости православия в глазах верующих и в тоже время главного идейного оппонента большевиков, контрреволюционера, белогвардейца, основателя «тихоновщины». 9 мая 1922 г. Патриарх Московский и всея России Тихон был привлечен к уголовной ответственности за «контрреволюционную и шпионскую деятельность». После арестов и суда над сторонниками патриарха Ти-

хона в столицах незамедлительно, а где-то и раньше, последовали аналогичные процессы во многих губерниях в провинции, в том числе и в Западной Сибири.

Так, в Тобольске настоятеля Пятницкой (она же Сретенская) церкви Евлампия Пелымского обвинили в организации «истерических воплей “благочестивых” старушек», так как прибывшую в церковь комиссию встретила враждебно настроенная толпа «большею частью из фанатичных старух». Священник весной 1922 г. был арестован, а его дело было передано в Ревтрибунал²¹. Примечательно, что Евлампий подписал воззвание к гражданам Тобольска от 28 марта 1922 г. о добровольной сдаче церковных ценностей представителям советской власти на борьбу с голодом. В информационном бюллетене по Тобольскому уезду за первую половину мая 1922 г. уполномоченный ГПУ А. Мовшензон сообщал: «Факт с изъятием церковных ценностей сам по себе продолжает вызывать недовольство, хотя и скрытое, массу абсурдных толкований и нелепостей. К этому нужно присовокупить, что арест священника Пелымского и отправка его в Тюмень вызвала очередное недовольство среди верующих и плач последних, так как люди полагали, что Пелымский в Тюмени будет расстрелян... Когда верующие узнали, что Пелымский будет отправлен в Тюмень, то часть из них дежурила от Рабдома до пристани и Политуправления дни и ночи, дабы увидеть еще раз своего духовного отца»²².

Подобная история произошла и в Томске. По сообщению губотдела ГПУ, опубликованном в областной газете, 7 мая в Знаменской церкви была устроена враждебная демонстрация «толпой кликуш» во время работы комиссии по изъятию ценностей. Настоятель храма протоиерей Василий Юрьев обратился к толпе с призывным возгласом. Толпа, присутствовавшая в здании церкви, после обращения священника обступила комиссию с криками «это мы не можем сдать, просим оставить». Комиссия удалилась, отдав категорическое распоряжение сдать ризы (накладной оклад на иконах)²³. Священники, которых лишь только подозревали в противодействии изъятию святынь, уже были обвинены в организации «контры».

Практически схожий инцидент возник в Омской губернии. 13 октября 1922 г. священник с. Локтинское Калачинского уезда Владимир Лебединский был признан ревтрибуналом виновным в том, что в мае «с целью возбуждения к сопротивлению законам рабоче-крестьянской власти использовал религиозные предрассудки масс» и во время проповеди «умышленно искажал смысл декрета об отделении церкви от государства»²⁴. Лебединский не занес в инвентарную книгу шесть серебряных риз и якобы утверждал, что ценности не будут доставлены голодающим, а коммунисты их израсходуют на папиросы. Означенным приговором священник, на основании статьи 119 УК РСФСР, был осужден на три года со строгой изоляцией и лишением прав. Вместе с ним был приговорен и крестьянин В. Устиненко на шесть месяцев²⁵.

Известен публичный процесс «барнаульских церковников», проходящий в доме пожарников, в декабре 1922 г. Показания обвиняемых и сам ход дела подробным образом освещались в местной прессе. Согласно данным газеты «Красный Алтай», под рубрикой «Укрыватели церковных ценностей на скамье подсудимых. Процесс барнаульских церковников», в столице губернии

в 1918–1922 гг. действовал контрреволюционный Объединенный Барнаульский приходской совет, издававший свою подпольную газету «К свету»²⁶. Обвинение включало также произнесение проповедей против власти, организацию кружка «Гермоген»²⁷ еще в годы Гражданской войны, а также сокрытие 180 предметов. Примечательно, что во время реквизиции ценностей стало известно, что Одигитриевская церковь, где служили обвиняемые Долинин и Тропинин, была наиболее зажиточной в Барнауле²⁸. Служители церкви обвинялись по контрреволюционным статьям 60 и 68 УК РСФСР²⁹. Настоятель и псаломщик Одигитриевской церкви И. П. Долинин, центральная фигура процесса, был вынужден признать на слушаниях факт укрывательства, объясняя это тем, что большинство вещей было еще скрыто от расхищения перед приходом красных партизан в специальном «потайнике» (за иконостасом) и принадлежало церкви Барнаульского духовного училища³⁰. Все подсудимые упорно отрицали свое участие в организации кружка «святого Гермогена», однако общественный обвинитель т. Громов утверждал, что он, как партизан, прекрасно знает, что священники всегда шли против народа даже с оружием в руках³¹. «Государственные преступники и контрреволюционеры, идущие против народа», священники и церковнослужители были осуждены на сроки от 2,8 до 6 лет³².

Упомянутый нами инцидент в с. Тутальском послужил одним из поводов для фабрикации надуманного, самого крупного и резонансного дела в Западной Сибири по так называемой контрреволюционной организации духовенства «Православная церковь» с 33 обвиняемыми. Среди них епископ Виктор (Богоявленский), настоятель Богоявленской церкви протоиерей Константин Лебедев, настоятель Преображенского храма, протоиерей Александр Никольский. В одном производстве были соединены различные уголовные дела: инцидент в с. Тутальском; утаивание Томским духовенством ценностей; упоминаемая демонстрация «кликуш» под началом протоиерея В. Юрьева. Рядовых верующих-селян (девять человек) обвиняли в утаивании и оказании противодействия агенту комиссии. Руководителям епархии бездоказательно инкриминировали идейное руководство томской группой контрреволюционной организации духовенства, систематические проповеди Закона Божьего в нарушение декретов об отделении церкви от государства, а также сохранение конструкции прежней епархиальной консистории и осуществление ее функции³³. Последние обвинения особенно абсурдны. Получается, что сама Церковь представляла собой в это время сообщество контрреволюционное и преступное, а ее функционирование в своих канонических рамках являлось уголовным преступлением.

Следует отдельно отметить ключевое положение Томска в православном ландшафте Западной Сибири. Епископ Виктор управлял огромной Томской епархией, территория которой, напомним, в этот период составляла более 850 тыс. кв. км и включала в себя территории современных Кемеровской, Новосибирской, Томской областей, Алтайского края и Республики Алтай. В исследуемое время Томская епархия включала приходы на территории трех губерний — собственно Томской, Новониколаевской и Алтайской, являлась межрегиональным православным центром, а ее руководство контролировало

«каноническое пространство» на значительной части заселенной территории Западной Сибири. Вполне логично, что советские органы стремились устранить управляющего этой огромной епархией — «тихоновца».

Печать, и прежде всего газеты, была в это время важнейшим инструментом воздействия партии большевиков на общественное мнение. Неслучайно в 1920-е гг. происходит существенный количественный рост и увеличение тиражей газет. Дело томских церковников во время судебных слушаний широко освещалось практически каждый день в томской областной ежедневной газете «Красное знамя». Интерес также подогревался различными статьями и репортажами по близкой религиозно-церковной тематике. Несомненно, в текстах газетных публикаций присутствовали как элементы воинствующего антиклерикализма, так и атеистический контекст.

Параллельно в сознание читателя внедрялись мысли, что кроме «князей церкви», черносотенцев — тихоновцев есть другие служители православия. 6 мая 1922 г. под заголовком «Церковные дела», к примеру, сообщалось, что «в жизни православной церкви Томской епархии намечается большой перелом. Более передовое духовенство, до фанатизма искренне верующее в учение Христа как учение о христианском коммунизме, ведет глухую упорную борьбу с так называемым, по их мнению, контрреволюционным духовенством»³⁴. К первой группе в статье относили прежде всего священника Блинова (будущего Сибирского митрополита обновленцев), а вторую группу, ей противостоящую, возглавлял действующий епископ Виктор. Тут же в общий поток обвинений, помимо упреков в «контре» и укрытия драгоценностей, для компрометации фигуры епископа добавлены неблагоприятные факты, удобопонятные для крестьянского и мещанского сознания: 40 лет стажа чиновника царского Министерства просвещения; участие в работе областников и «прочей черной сотни»; курит табак и «совершенно ничего не понимает в церковной службе»; прячет свои вещи в алтаре «от ковров вплоть до бабьих ботинок и других более деликатных дамских предметов», «страшно груб, топает ногами... кричит, ругается»³⁵. Не лучше и окружение «генерала-епископа» — «чиновники в рясе», — продолжал автор статьи под псевдонимом Гражданин, приводя пример, не имеющий какой-либо криминальной составляющей. Когда в одной из церквей Томска были обменены прежде изъятые «крест и еще какие-то священные сосуды» на равноценное серебро прихожан, «вся духовная “братия”, облачившись в ризы, открыто на глазах верующих завывала “благодарственный молебен и освящение” возвращенных предметов»³⁶. Опуская достаточно обидную риторiku в адрес верующих, заметим, что религиозную процедуру сакрализации материальных предметов, обряд, в котором вещи посвящаются на служение всевышнему, автор статьи оценил как контрреволюционный поступок, цель которого — «воздействовать на чувства верующих и озлобить последних против советской власти»³⁷. Как видно из многих эпизодов, уголовные деяния выглядят откровенно надуманными.

Чтобы скрыть свое разочарование от совсем небольшого объема изъятых драгоценностей, обвиняемым инкриминировали и то, что «подлость их действий больше всего в том, что значительная часть драгоценностей была

скрыта от изъятия или просто расхищена. Таковы преступления князей томской церкви против трудящихся масс»³⁸. Хорошо известно недоумение Л. Троцкого по тому же поводу. Он в письме еще в апреле 1922 г. И. С. Уншлихту, заместителю председателя ГПУ, сетовал, что «главные церковные ценности уплыли за годы революции», и предлагал чекистам заняться «с величайшей энергией» дознанием правящих иерархов³⁹. Большевистское правительство не учло тяжелого материального истощения Церкви, пережившей вместе с народом бремя Гражданской войны, военного коммунизма, продразверстки и красного бандитизма, да и в реальности ожидания вождей «сокровищей на миллионы» просто не соответствовали реальности.

Уже во время процесса в Томске 18 июля был проведен массовый общегородской митинг по вопросу о суде над черносотенным духовенством, который «единогласно свидетельствует, что эта часть духовенства, возглавляемая епископом Виктором, отныне объявляется злейшим врагом трудового народа, что она вместо помощи голодающим продолжает вести линию углубления кошмарных ужасов голода... предпочитает теперь груды золота, чем видеть здоровую и веселую жизнь человека. Это сопротивление мы рассматриваем как акт дикой злобы монархического духовенства против советской власти...»⁴⁰. Из этой лживой и агрессивной, на наш взгляд, риторики видно, как заинтересованные органы за день до приговора подготавливали население к суровому вердикту.

Конечно, основное внимание общественности было направлено на епископа Виктора. Присутствующие на заседании суда репортеры даже противопоставляли изворотливым, с отсутствием выдержки обвиняемым «церковникам» епископа, который «чрезвычайно импозантен стройной фигурой и умным лицом»⁴¹. Репортеры отмечали «княжеское величие», которое «сквозит в каждом небрежно брошенном взгляде, каждом движении»⁴². В рубрике «Снимки» местный безымянный стихотворец (псевдоним: Металлист Во) так оттачивал поэтическое остроумие:

Епископ Виктор,
Физиономия благообразная,
По деяниям немножко безобразная;
Ретивый исполнитель тихоновского предприятия,
Против церковного изъятия⁴³.

Чтобы развенчать, нивелировать уважение и благоговение перед исполненным достоинства владыкой и его последователями, читателю практически внушалось в статье «К суду над церковниками», что «нужно уяснить, что на скамье подсудимых сидят простые смертные люди, а не святые мученики за православную веру, с сиянием божественной благодати вокруг головы»⁴⁴. Особый правовой цинизм ситуации был в том, что эти строки принадлежали председателю Томского революционного трибунала И. Г. Макаренко, который в этом же тексте ранее сообщил, что за содеянное по контрреволюционным статьям 62, 63, 68, 69, 72, а также 119 и 123 УК РСФСР предусмотрена высшая мера наказания с конфискацией имущества⁴⁵. Сложно говорить в таких слу-

чаях о перспективах справедливого приговора и беспристрастности судьи Макаренко. До и во время слушаний он был предубежден против обвиняемых и неоднократно выступал в печати в качестве их обвинителя.

Губревтрибунал, являясь чрезвычайным судебным органом, рассматривал дела по преимущественно контрреволюционной деятельности, включая и «антисоветскую православно-христианскую». В состав единого революционного трибунала по томскому делу церковников входили Макаренко (председатель), Шевелев-Лубков и Соколов⁴⁶. Отряд Шевелева-Лубкова сегодня известен в том числе в проведении бессудных казней клириков и верующих в годы Гражданской войны, что также прямо указывает на проблему пристрастности. В мае 1919 г. членами этого отряда были убиты в селах Мариинского уезда: псаломщик Г. И. Бережный, учитель церковно-приходской школы А. С. Бакановская, священник Ф. П. Михайлов, псаломщик В. В. Скворцов. В Щегловском уезде была жестоко умерщвлена на почве «пролетарской ненависти» бывшая дворянка, жена священника, учительница М. П. Писемская⁴⁷. Признанный факт, что решающим критерием участия в ревтрибунале в основном были не профессиональные качества правоведа, а преданность делу революции и классовое «чутье».

Современные исследования убедительно доказывают определяющую роль ГПУ в вероисповедной политике государства исследуемого периода. Эти органы получили от партии практически официальное право на руководство внутрицерковными процессами. Политбюро и партийные органы на местах, будучи скрытыми органами управления всей политикой, контролировали в том числе и деятельность ГПУ, но не вникали в механизмы оперативно-разыскной и агентурной работы⁴⁸. Это касалось и ревтрибунала, который отличался сращиванием с органами ГПУ и являлся проводником установок Политбюро. Уместным считаем привести слова исследователя М. С. Пивоварова, которые вполне применимы к нашей проблематике. «Явная слабость доказательной базы обвинений и их тенденциозность никоим образом не влияли на ход и результаты судебных разбирательств. Создававшаяся ревтрибуналами «картинка» законности и справедливости была полной фикцией»⁴⁹.

Для доказательства преступлений по указанным выше статьям достаточным являлись наличие действующей организации и участие в ней всех обвиняемых и/или ее контрреволюционные цели и действия, которые не требовали особой аргументации. Приговором Томского губернского ревтрибунала 16–19 июля 1922 г. по групповому делу томских церковников были осуждены 29 человек, в отношении девяти из них озвучен приговор: «подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять»⁵⁰. По кассации Сибирский Верховный трибунал пересмотрел дело. На этот раз к расстрелу с конфискацией всего имущества были приговорены три человека: епископ Виктор (Богоявленский), протоиерей К. Лебедев и священник с. Тутальского Б. Стацевич⁵¹.

Появление обновленчества неразрывно связано с кампанией по изъятию ценностей и последующими за ней судебными процессами над тихоновцами. Изоляция авторитетных иерархов с помощью ревтрибуналов позволила занять место в руководстве епархий, благочиний, приходов представителям «Живой

церкви», лояльных и послушных власти. Скрытую и в то же время настоящую задачу на фоне изъятия ценностей и антиклерикальной пропаганды раскрывал В. М. Молотов несведущим сибирякам-партийцам в секретной шифротелеграмме в Новониколаевск. «Газетная кампания по поводу изъятия ведется неправильно, указывал Молотов Сибирскому бюро ЦК РКП, — она направлена против духовенства вообще. Печатаются веселые сатирические стишки против попов вообще. Эта сатира бьет по низшему духовенству и сплачивает духовенство в одно целое. Политическая задача данного момента совсем не та, прямо противоположная. Нужно расколоть попов или, вернее, углубить, заострить уже существующий раскол (курсив мой. — А. Г.). В Москве и провинции есть много попов, которые согласны на изъятие ценностей, но боятся верхов»⁵². В реальности это немного сокращенные указания Л. Троцкого, в которых он потребовал «разослать печати, прежде всего московской, а затем провинциальной прилагаемую при сем инструкцию. Это в высшей степени важно»⁵³. Система подобных закрытых инструкций вообще была методикой и практикой большевистской репрессивной политики в отношении «попов-контрреволюционеров»: от высшего руководства секретарям ЦК, от них — в регионы.

Основной целью дискредитации и оголтелого шельмования были высшие иерархи, или, как упомянул Молотов в этой шифротелеграмме, «князья церкви». Помимо акцента на дворянское происхождение и принадлежность к привилегированным слоям своего сословия, на наш взгляд, здесь и аллюзия на библейское выражение, обозначающее дьявола («князь мира сего»). Это словосочетание в изложенном контексте принадлежало Л. Троцкому, с помощью пропагандистского давления могло оказать влияние на читающее население страны. «Князья церкви, жадные, хищные, развращенные, противународные»⁵⁴, пояснял он в письме Молотову под грифом «секретно». Несомненно, этот эпитет, несущий негативную коннотацию, относился к епископу Виктору, его ближайшим сподвижникам и другим владыкам, сторонникам Патриаршей церкви.

21 августа 1922 г. Верховный трибунал при ВЦИК⁵⁵ сделал запрос своему Сибирскому отделению по количеству возбужденных уголовных дел по изъятию, привлеченных лиц (духовных и гражданских), осужденных к расстрелу и фактически расстрелянных⁵⁶. В Государственном архиве Новосибирской области (ГАО) сохранился рукописный вариант Сведений уголовных дел, которые были аккумулированы Сибирским отделением Верховного трибунала.

Зафиксировано достаточно небольшое количество возбужденных уголовных дел губернскими ревтрибуналами против лиц, оказавших сопротивление изъятию. Представленная здесь таблица не совершенна, но дает общую картину по регионам. Так, касательно Западной Сибири ее данные демонстрируют, что основной вектор репрессий был направлен на духовенство и верующих Томской губернии. Отметим, что не включены сведения Тюменского губревтрибунала и по естественным причинам не учтен состоявшийся в декабре 1922 г. судебный процесс над уже упомянутыми «барнаульскими церковниками».

Сведения Сибирского отделения Верховного трибунала по делам об изъятии церковных ценностей на 1 сентября 1922 г.

Уезд/губерния	Количество дел	Привлечено лиц		Число осужденных к расстрелу		Фактически расстреляно	Число осужденных к другим видам наказания	
		духовных	гражданских	духовных	гражданских		духовных	гражданских
Новониколаевский	1	1						
Омский	2		2					
Томский	4	10	25	8			2	16
Алтайская	–							
Иркутский	3	2	5	1	1			
Енисейский	2	1	9					
Итого	12	14	41	9	1	0	2	16

Составлено по: ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 74. Л. 14.

Участь не всех обвиняемых клириков известна. Но важно отметить, что те известные нам оппозиционные священники, которые были изначально осуждены на смертную казнь, со временем получили смягчение наказания. 4 ноября 1922 г. в губернский центр было прислано срочное указание от секретаря ВЦИК А. Енукидзе — «исполнение смертного приговора над осужденными немедленно приостановить...». Высшая мера наказания была заменена на десять лет лишения свободы, через полгода срок сократили до шести лет, в феврале 1924 г. — до пяти. Затем все клирики были освобождены досрочно⁵⁷. Послабление, а в ряде случаев и отмену наказания получили и другие обвиняемые по этому делу. Сам Виктор Богоявленский в марте 1925 г., после возведения в сан архиепископа, назначен управляющим Омской епархией.

Епископ Тюмени Иринарх (Синеоков-Андриевский) в 1923 г. был приговорен к семи годам лишения свободы за «сокрытие ценностей» Тюменского монастыря. Уже в 1924 г. он был амнистирован и получил статус ссыльного, а в этом же году по распоряжению патриарха Тихона стал управляющим Подольской епархией⁵⁸. Архиепископ Бийский и Алтайский Иннокентий (Соколов) с 1922 по 1923 г. находился в заключении в Бийской тюрьме, а затем переведен в Бутырскую тюрьму в Москву. Решением Коллегии ОГПУ от 20 апреля 1923 г. освобожден от наказания по старческой дряхлости без права выезда из Москвы⁵⁹.

В соседней Восточной Сибири архиепископ Иркутский и Верхотенский Анатолий (Каменский) был арестован⁶⁰ и после суда был приговорен к расстрелу Томским трибуналом. В январе 1923 г. приговор был заменен на десять лет заключения со строгой изоляцией. Находился в Иркутской тюрьме в одиночном заключении. Постановлением Президиума ВЦИК от 28 июля 1924 г. неотбытый срок ему был признан условным с освобождением из-под стражи. Последние месяцы жил при архиепископе Омском Викторе (Богоявленском), с которым изредка совместно осуществлял служение⁶¹.

Попал под амнистию к пятой годовщине Октябрьской революции и упомянутый нами осужденный священник В. Лебединский, наказание которого было сокращено наполовину⁶².

Последующее смягчение приговоров после объявленных расстрелов и суровых по длительности сроков можно интерпретировать по-разному. Прежде всего, жестокость наказания можно оценивать как меру устрашения, позволяющую припугнуть и затормозить активное противодействие большевистской политике оставшихся тихоновцев. Немаловажным было и нежелание властей жесткими репрессивными мерами создать в глазах верующих из приговоренных мучеников с последующим почитанием и, соответственно, из обновленцев — палачей и предателей и лишить их симпатий со стороны населения. Все это прекрасно понимали в центре и должным образом охлаждали пыл в регионах.

Через год после указанных событий, в марте 1923 г., томский губотдел ГПУ констатировал: «православное духовенство политически мало активно, раздираемо расколом»⁶³. Чекисты в своих отчетах не скрывали удовлетворения от реализации своих планов — задача лишения мощи Православной церкви ими была реализована в полной мере. Она как единый аппарат не существует, а «разбита на несколько отдельных групп, имеющих свои отдельные иерархии, находящиеся между собой в постоянной вражде...»⁶⁴. Единства не было и внутри обновленцев. Так, известна декларация в Томской газете левой группы «Живой церкви», которая, будучи оппозиционной «умеренному» обновленчеству, ставила задачу обновления «жизни верующих в духе первохристианских общин»⁶⁵.

Первые шаги отхода от «обновленчества» начались уже в 1924 г., после того как 25 июня 1923 г. был освобожден Патриарх Тихон и прекращено его уголовное дело, а на сибирские кафедры стали вновь назначаться православные староцерковные архиереи. Большинство колеблющихся и ушедших в раскол иерархов принесли покаяние Тихону в 1923–1924 гг. и были приняты обратно в сане епископов в лоно Патриаршей церкви. Так, «обновленчество» как институционально организованное направление начинает постепенно уходить с исторической сцены. Оно с каждым годом все меньше пользовалось авторитетом, в то время как староцерковники рассматривались верующими истинными наследниками традиционной Православной Российской церкви.

Власть большевиков откровенно цинично использовала катастрофический голод для атаки на наиболее влиятельную оппозиционную силу — Православную Российскую церковь. Кампания по изъятию ценностей послужила

лишь первым «актом» в деле ослабления Церкви, после чего последовали спешно сфабрикованные судебные процессы над тихоновцами и параллельное встраивание в ее тело «Живой церкви». Был сконструирован уникальный прецедент активного сотрудничества ряда церковных деятелей и большевистской власти в борьбе против канонического большинства. Энергично этому многовекторному процессу содействовали органы ГПУ. Транспарентность судебных процессов, обстоятельная публикация слушаний, практически ежедневная газетная информация — все это свидетельствовало о значимости повестки, о глубокой заинтересованности партийной элиты как в результатах приговоров трибуналов, так и в эффективности пропагандистского влияния на население.

¹ *Дашковский П. К., Зиберт Н. П.* Государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири в конце 1917 — середине 1960-х гг.: Этнокультурные и религиоведческие исследования в Евразии. Вып. 3. Барнаул, 2020.

² *Суховецкий В. А.* К вопросу об изъятии церковных ценностей 1922 года в Омской губернии // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2019. № 2 (11). С. 345–349; *Астапенко И. Г.* Политика советского государства по отношению к религиозным организациям в Омской губернии в 1921–1925 гг. (на примере изъятия церковных ценностей) // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2018. № 2 (5). С. 132–146; *Борисова В. В.* Изъятие церковных ценностей из православных храмов Тюменской губернии в 1922 году // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. № 28 (166). Вып. 34. С. 142–147.

³ *Гузаров В. Н.* Репрессивная политика РКП(б) в отношении церковных организаций Томской губернии в 1920–1925 гг. Томск, 2019.

⁴ *Дмитриенко Н. М.* «Дело томских церковников» 1922 г. // Социально-политическое развитие Сибири (XIX–XX вв.) Томск, 1992. С. 71–81.

⁵ Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 157. Л. 30.

⁶ *Гузаров В. Н.* Репрессивная политика... С. 50.

⁷ Государственный архив Томской области (далее — ГАТО). Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 33а. Л. 29.

⁸ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. М., 1994. С. 188–190.

⁹ Красное знамя (томская областная ежедневная газета, орган Томского губисполкома и губкома РКП). 1922. 3 июля; ГАТО. Ф. Р 236. Оп. 2. Д. 96. Л. 5.

¹⁰ *Астапенко И. Г.* Политика советского государства... С. 142; *Истоков С.* Новосибирская епархия Русской Православной Церкви в 20-е годы XX века // Богословский сборник Новосибирской православной духовной семинарии. 2015. № 1 (10). С. 55–56.

¹¹ ГАНО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 200. Л. 120.

¹² *Борисова В. В.* Изъятие церковных ценностей из православных храмов Тюменской губернии в 1922 году // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. № 28 (166). Вып. 34. С. 144.

¹³ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 157. Л. 30.

¹⁴ Там же. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 200. Л. 120.

¹⁵ Там же. Л. 111.

¹⁶ *Борисова В. В.* Изъятие церковных ценностей... С. 143.

¹⁷ *Суховецкий В. А.* К вопросу об изъятии... С. 346.

¹⁸ *Гузаров В. Н.* Репрессивная политика... С. 42–43.

¹⁹ Архивы Кремля. В 2 кн. Кн. 1: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М.; Новосибирск, 1997. С. 467–469.

²⁰ ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 96. Л. 133–134.

²¹ *Борисова В. В.* Изъятие церковных ценностей... С. 143.

²² Пельымский Евлампий Иванович // Духовенство Русской православной церкви в XX веке. Биографическая база данных и собрание материалов. URL: <https://www.pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/2986/> (дата обращения: 23.08.2022).

²³ Красное знамя. 1922. 8 июня.

²⁴ ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 217. Л. 1–1 об.

²⁵ Там же.

²⁶ Красный Алтай (орган Алтайского губисполкома и губкома РПК). 1922. 27 дек.

²⁷ Патриарх Московский Гермоген (Ермоген) (ок. 1530–1612), благословивший освободительную войну в Смутное время и принявший мученическую смерть (не дождавшись освобождения Москвы, умер от голода в заключении). Обращение к этому образу настраивало не на смиренное несогласие с политикой большевиков, а на активный социальный протест в годы Гражданской войны.

²⁸ *Целищева М. А., Дышлюк М. А.* Барнаульская Одигитриевская церковь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2016. № 22. С. 286.

²⁹ Первый Уголовный Кодекс РСФСР вступил в силу 1 июля 1922 г.

³⁰ Красный Алтай. 1922. 28 дек.

³¹ Там же. 30 дек.

³² Там же. 1923. 1 янв.

³³ ГАНО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 96. Л. 5; Красное знамя. 1922. 19 июля.

³⁴ Красное знамя. 1922. 6 мая.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. 15 июля.

³⁹ Архивы Кремля... С. 196.

⁴⁰ Красное знамя. 1922. 21 июля.

⁴¹ Там же. 20 июля.

⁴² Там же. 17 июля.

⁴³ Там же. 20 июля

⁴⁴ Там же. 13 июля.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. 18 июля.

⁴⁷ *Горбатов А. В., Мальцев М. А.* Православные общины и партизанское движение в Кузбассе в 1919 году // Научный диалог. 2021. № 1. С. 230–231.

⁴⁸ *Кияшко Н. В.* «Враждебные попы не нужны»: эволюция религиозной политики советской власти в 1922 г. в свете деятельности органов ВЧК — ГПУ на Кубани // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. История. 2021. № 99. С. 134, 137.

⁴⁹ *Пивоваров М. С.* Участие революционных трибуналов в ликвидации антикоммунистических вооруженных выступлений в Сибири (октябрь 1920 — август 1921 г.) // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 — декабрь 1922 г.): сб. материалов науч. конф. Новосибирск, 2019. С. 255.

⁵⁰ Красное знамя. 1922. 22 июля.

⁵¹ Там же. 7 нояб.

⁵² ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 106. Л. 147.

⁵³ Архивы Кремля... С. 251–252.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Верховный трибунал при ВЦИК функционировал с 1.07.1921 г. по 1.01.1923 г. По судебной реформе 1922 г. функции системы трибуналов были переданы Верховному Суду РСФСР.

⁵⁶ ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 74. Л. 1.

⁵⁷ *Фаст М. В., Фаст Н. П.* Нарымская Голгофа. Материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. М.; Томск, 2004. С. 42.

⁵⁸ Иринарх (Синеоков-Андриевский) // Древо. Открытая православная энциклопедия. URL: <https://drevo-info.ru/articles/24855.html> (дата обращения: 29.04.2023).

⁵⁹ Иннокентий // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/468757.html> (дата обращения: 29.04.2023).

⁶⁰ Красное знамя. 1922. 15 мая.

⁶¹ Анатолий (Каменский) // Древо. Открытая православная энциклопедия. URL: <https://drevo-info.ru/articles/16073.html> (дата обращения: 29.04.2023).

⁶² ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 217. Л. 1.

⁶³ Из истории земли Томской. 1921–1924. Народ и власть: сб. документов. Томск, 2000. С. 323.

⁶⁴ Архивы Кремля... С. 360.

⁶⁵ Красное знамя. 1922. 27 окт.

Статья поступила в редакцию 29 апреля 2023 г.

Рекомендована к печати 31 июля 2023 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Горбатов А. В. Судебные процессы по делам о противодействии изъятию церковных ценностей в Западной Сибири (1922–1923) // *Новейшая история России.* 2023. Т. 13, № 4. С. 940–955. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.415>

Аннотация: Постановление ВЦИК от 23 февраля 1922 г. фактически инициировало кампанию по конфискации церковного имущества, которая привела к массовому недовольству верующих по всей территории страны, в том числе и Западной Сибири. Организация судебных процессов в противодействии изъятию ценностей Церкви явилась естественным и предсказуемым ответом большевистского руководства. Предметом исследования стал анализ причин и выявление особенностей проведения судебных процессов, а также описание их последствий для жизнедеятельности Российской православной церкви на примере Западной Сибири. Источниковую базу исследования составили материалы ежедневных сибирских газет «Красное знамя» и «Красный Алтай», архивные документы и электронные базы данных РГЦ. Выявлено, что попытки сопротивления верующих изъятию ценностей в той или иной форме фиксировались во всех губерниях, однако они не имели масштабного характера и не сопровождались со стороны верующих, за некоторыми исключениями, жесткими действиями. В Сибири кампания по изъятию церковных ценностей завершилась инициированием уголовных дел, а в ряде городов (Томск, Барнаул) показательными судебными процессами по делу прихожан и клириков-тихоновцев, которые активно и атеистически наступательно освещали местные газеты. Немаловажную роль в реализации церковной политики молодого атеистического государства играли органы ГПУ, которые негласно управляли происходящими процессами, используя в том числе сеть осведомителей и агентов. В ходе процессов замечены факты предвзятости со стороны обвинения и давления на общественное мнение с помощью газетной пропаганды и агитационных публичных мероприятий. Установлено, что смертные приговоры и длительные сроки наказания осужденным иерархам, вынесенные в ходе большинства судебных процессов, были отменены либо смягчены. Через короткое время последовала амнистия большинства священнослужителей, после чего они приступили к духовному служению. Это была спланированная и скоординированная операция советско-партийной власти на местах в сотрудничестве с Государственным политическим управлением, направленная на разложение и ослабление Церкви как идеологического врага и пока еще нейтрализацию сторонников патриарха Тихона как репрессивными мерами, так и активным интродуцированием марионеточных обновленцев в руководство одновременно епархий, благочиний и приходов.

Ключевые слова: Российская православная церковь, судебные процессы, изъятие церковных ценностей, репрессии, обновленчество, церковная политика, Западная Сибирь, Советская Россия.

Сведения об авторе: Горбатов А. В. — д-р ист. наук, проф., Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия); вед. науч. сотр., Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия); gorbn1965@yandex.ru

Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, Кемерово, ул. Красная, 6

Алтайский государственный университет, Россия, 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61

FOR CITATION

Gorbatov A. V. 'Trials for Countering the Seizure of Church Valuables in Western Siberia (1922–1923)', *Modern History of Russia*, vol. 13, no. 4, 2023, pp. 940–955.
<https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.415> (In Russian)

Abstract: The subject of the study was the analysis of the causes and the identification of the features of the trials, as well as the description of their consequences for the Russian Church on the example of Western Siberia. The source base for the study was the materials of daily Siberian newspapers *Krasnoe Znamya* and *Krasny Altai*, archival documents and electronic databases of the Russian Orthodox Church. It was revealed that the believers' attempts to resist the seizure of valuables in one form or another were recorded in all territories, but they were not of a large-scale nature and were not accompanied (with some exceptions) by believers' tough actions. In Siberia, the campaign to confiscate church valuables ended with the initiation of criminal cases, and in a number of cities (Tomsk, Barnaul) with show trials in the case of parishioners and Tikhonovite clerics, with active and atheistically offensive covering these trials in local newspapers. An important role in the implementation of the church policy of the young atheistic state was played by the secret services (GPU), which secretly controlled the ongoing processes, using, among other things, a network of informers and agents. During the trials, facts of bias on the part of the prosecution and pressure on public opinion with the help of newspaper propaganda and campaigning public events were noticed. It has been established that the death sentences handed down in the course of most trials to convicted hierarchs were canceled and the long sentences were reduced. After a short time, most of the clergy were amnestied, and quite soon they resumed their spiritual service. It was a planned and coordinated operation of the Soviet-party authorities on the ground in collaboration with the Main Political Directorate, aimed at decomposing and weakening the Church as an ideological enemy.

Keywords: Russian Orthodox Church, trials, seizure of church valuables, repressions, Renovationism, church policy, Western Siberia, Soviet Russia.

The research was prepared with the support of the Russian Science Foundation (RSF), project no. 19-18-00023 "Religion and power: the historical experience of state regulation of the activities of religious communities in Western Siberia and adjacent regions of Kazakhstan in the 19th–20th centuries"

Author: Gorbatov A. V. — Dr. Sci. in History, Professor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia); Leading Researcher, Altai State University (Barnaul, Russia); gorbn1965@yandex.ru

Kemerovo State University, 6, Krasnaya ul., Kemerovo, 650000, Russia

Altai State University, 61, pr. Lenina, Barnaul, 656049, Russia

References:

- Astapenko I. G. 'The policy of the Soviet state towards religious organizations in the Omsk province in 1921–1925 (on the example of the seizure of church valuables)', *Vestnik Omskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii*, no. 2 (5), 2018. (In Russian)
- Borisova V. V. 'Seizure of church valuables from Orthodox churches in the Tyumen province in 1922', *Bulletin of Chelyabinsk State University. History*, no. 28 (166), iss. 34. 2009. (In Russian)
- Fast M. V., Fast N. P. *Narym Golgotha. Materials for the history of church repressions in the Tomsk region in the Soviet period* (Moscow — Tomsk, 2004). (In Russian)
- Gorbatov A. V., Maltsev M. A. 'Orthodox communities and partisan movement in Kuzbass in 1919', *Nauchnyi dialog*, no. 1, 2021. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-224-240> (In Russian)
- Guzarov V. N. *The repressive policy of the RCP(b) in relation to the church organizations of the Tomsk province in 1920–1925* (Tomsk, 2019). (In Russian)
- Dashkovsky P. K., Zibert N. P. *State-confessional policy in the south of Western Siberia in late 1917 — mid-1960s* (Barnaul, 2020). (In Russian)
- Dmitrienko N. M. "'The case of the Tomsk churchmen" 1922' in *Sotsial'no-politicheskoe razvitie Sibiri (XIX–XX vv.)* (Tomsk, 1992). (In Russian)
- Istyukov S. 'Novosibirsk diocese of the Russian Orthodox Church in the 20s of the 20th century', *Bogoslovskii sbornik Novosibirskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii*, no. 1 (10), 2015. (In Russian)

- Kiyashko N. V. "We don't need any hostile priests": the evolution of the religious policy of the Soviet authorities in 1922 with security services in Kuban Region as an example', *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*, no. 99, 2021. <https://doi.org/10.15382/sturll202199.134-149> (In Russian)
- Pivovarov M. S. 'The participation of revolutionary tribunals in the elimination of anti-communist armed uprisings in Siberia (October 1920 — August 1921)' in *Grazhdanskaia voina na vostoke Rossii (noiabr' 1917 — dekabr' 1922 g.)*: *Sb. materialov nauchnoi konferentsii* (Novosibirsk, 2019). (In Russian)
- Sukhovetsky V. A. 'The question of the seizure of church property in the Omsk province in 1922', *Bulletin of the Orenburg Theological Seminary*, no. 2 (11), 2019. (In Russian)
- Tselishcheva M. A., Dyshluk M. A. 'Barnaul Odigitrievskaya Church', *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo nasledia Altaiskogo kraia: sb. nauch. st.*, no. 22, 2016 (In Russian)

Received: April 29, 2023

Accepted: July 31, 2023